

«ТЕМНЫЕ АЛЛЕИ»: К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИИ ЛЮБОВНОГО ДИСКУРСА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Научный интерес к литературному дискурсу любви пришел к нам с Запада, с легкой руки Ролана Барта и его последовательницы Юлии Кристевой, в рамках активного развития теории дискурса и школы дискурс-анализа. Но в отечественном литературоведении эта интересная и актуальная тема изучена недостаточно: исследования представлены, в основном, отдельными статьями, не объединенными системным, последовательным подходом. Даже сам термин «дискурс любви», или «любовный дискурс» (далее – ЛД), заимствованный из Западной филологии, по сию пору вызывает вопросы, несмотря на активное его применение в других гуманитарных дисциплинах на постсоветском пространстве (см. диссертации и монографии Е. Матвеевой, А. Севастеенко, М. Ползуновой, Е. Турутиной, Е. Шапинской). И это неслучайно. Рассмотрим далее, почему.

В известной работе «Язык и межкультурная коммуникация» (2000) Светлана Тер-Минасова цитирует Джорджа Микеша, венгерско-английского журналиста, который противопоставляет британский и континентальный менталитет: «Если молодой человек с континента хочет признаться девушке в любви, он встает на колени и говорит ей, что она самое милое, обаятельное и восхитительное существо на свете, что в ней есть нечто, нечто особенное и неповторимое, чем обладают лишь несколько сотен тысяч других женщин, и что он больше не может ни минуты прожить без нее. Часто для того, чтобы придать больше выразительности высказыванию, он пускает себе пулю в лоб. Это обычное, заурядное признание в любви в более темпераментных континентальных странах. В Англии молодой человек потреплет свою ненаглядную по плечу и скажет: “Знаешь, я против тебя ничего не имею”. А если он с ума сходит от страсти, то добавит: “Ты мне даже очень нравишься”. Если он хочет жениться на девушке, он скажет: “Ну, ты пойдешь?..” А если делает непристойное предложение: “Ну, а как насчет...”» [8, с. 182]. Дж. Микеш имеет здесь в виду, в первую очередь, западноевропейца, но С. Тер-Минасова расширяет географические границы, справедливо отмечая, что сказанное применимо и к восточно-европейскому менталитету. Действительно, англичане традиционно считаются сдержанными и скупыми на эмоции прагматиками, склонными к недооценке в выражениях [8, с. 182]. Восточным славянам, наоборот, свойственны преувеличения и переоценка [8, с. 182]. Бесспорно, для восточно-славянского менталитета весьма характерны мистицизм, иррациональность, эмоциональность, т.е. развито фемининное начало. Недаром клише «загадочная русская душа» известно всему миру.

Между тем, в художественной литературе парадоксальным образом складывается принципиально иная картина: именно английская литература славится на весь мир классическими образцами ЛД, тогда как в восточно-славянской литературе XVI в. нет своего Шекспира. Недаром отечественные и российские исследования ЛД часто выполняются именно на материале зарубежной литературы, в том числе, британской (см. работы Е. Матвеевой, М. Ползуновой, М. Рогачевской, О. Велюго).

Иными словами, в восточно-славянской культуре, в отличие от западноевропейской, не существует собственной, самобытной, исторически обусловленной древней традиции ЛД. ЛД в русской литературе формируется гораздо позднее, лишь в XIX веке и опирается на западную традицию. Итак, некоторая недооценка ЛД в отечественной филологии объясняется иностранным происхождением не только терминологии и теории, но и самой его традиции.

Позднее формирование ЛД в русской литературе во многом объясняется историческими реалиями. Классический западноевропейский ЛД – *дискурс романтической любви* – уходит корнями в античную мифологию и топосы куртуазной культуры Средневековья. А на территории России культа Прекрасной Дамы не существовало. (К слову, равно как и в Беларуси: так, полоцкая Рогнеда и пресвятая Ефросиния Полоцкая стали почитаемы исключительно как мученица и как святая, просветительница соответственно, как неотъемлемая часть нашего исторического наследия). Женщина скорбящая, страдающая и сострадающая, жертвенная, милосердная – вот классический восточно-славянский православный образ, для которого дискурс романтической любви не свойственен и не уместен.

Об этом же говорит известный искусствовед Паола Волкова. Она усматривает истоки данного факта, а также особенностей восприятия женщины современным российским обществом в далеком, печально известном 1054 г., когда происходит раскол христианской церкви. В числе прочих разногласий обсуждался вопрос о том, что есть суть Богородицы, и две церкви не сошлись во мнениях. В восточной, православной церкви дева Мария – это Приснодева (тем самым подчеркивается очистительное катарсическое начало, присущее ее образу), а в западной, католической церкви она – Царица Небесная, что подразумевает почитание и поклонение [3].

Христианское мировоззрение, несомненно, нашло непосредственное отражение в литературе и искусстве. В XIII – XV веках западноевропейские живописцы, в отличие от канонов русской иконописи, пишут Богородицу как Прекрасную Даму. В это же время любовная лирика трубадуров и рыцарские романы воспевают куртуазную – возвышенную и духовную – любовь к Прекрасной Даме, олицетворяющей архетипическую женственность, божественную сущность, – это светский вариант любви к Деве Марии [5].

Именно в западном средневековье окончательно складывается идеал романтической любви – в частности, в легенде о Тристане и Изольде. Легенда кельтского происхождения широко распространилась по Европе (в т.ч. существует ее старобелорусский перевод XVI в. – «Повесть о Трыщане и Ижоте», восходящий к несохранившемуся источнику на сербском языке, что свидетельствует о более глубоких, по сравнению с Россией, связях белорусской культуры с западноевропейской). Эта легенда способствовала возникновению культа романтической любви, ставшего одной из существенных характеристик западноевропейского сознания [5]. Русская литература заимствует идеал романтической любви опосредованно, через уже сложившийся западный классический ЛД.

Валерий Тюпа связывает зарождение ЛД в русской литературе с творчеством Василия Тредиаковского, его любовная лирика усваивает французскую традицию ЛД и демонстрирует «сложившуюся в европейской культуре коммуникативную стратегию любовного общения» [9, с. 19]. В творчестве В. Тредиаковского, утверждает В. Тюпа, формируется русский ЛД, который свидетельствует о том, что в строго регламентированной классицистической картине мира того времени любовь играла исключительно важную роль, человеческие чувства оказывались значительнее благочестия [9, с. 23]. В целом, ЛД, который начинает активно развиваться в русской литературе в Золотом веке, опирается на западную традицию.

Истинное начало по-настоящему русской традиции ЛД было положено А. С. Пушкиным. В этом свете становится ясным, насколько революционным было письмо Татьяны к Онегину: во-первых, А. С. Пушкин дает право голоса, право признания в любви женщине, а во-вторых, «переводит» его с французского на русский язык. Поэтому это бессмертное письмо стало не просто рядовым нарушением условностей света и этикета, но явилось событием гораздо более масштабным и значимым. Это был дерзкий выход за пределы «ограничений» (в понимании Патрика Серио), накладываемых на дискурс социально-исторической тканью [7, с. 36], ломка многовековой традиции и формирование новой – формирование русского любовного дискурса под влиянием западного (недаром Татьяна читалась сентиментальных английских романов), это была, выражаясь современным языком, «одержимость дискурсом» – более десяти раз в письме говорится так или иначе о речи и молчании, при этом ни разу не звучит классическое «я люблю Вас».

Восполнить пробел культа Прекрасной Дамы пытаются в начале XX века Александр Блок и Андрей Белый. Однако культ Прекрасной Дамы в России – это исключительно Серебряный век. Он и ограничивается этим периодом: стойкая традиция, которая была бы усвоена восточно-славянской ментальностью, не сформировалась. Влияние этой лакуны не ограничено

областью живописи и иконописи, но до сих пор чувствуется во всех видах искусства, в том числе и в литературе – в культуре вообще. Об этом говорит Паола Волкова: «У нас нет ЭТОЙ литературы. Это все придет с Запада в начале XIX века. Это Тургенев, это Бунин, но это западное отношение к женщине»

[4, с. 284–285]. Отсутствие собственной национальной традиции сказалось и на специфике русского ЛД XX века. То, что и как пишут о любви, часто мало связано с собственно ЛД персонажей.

Обратимся к «Темным аллеям» (1931–1952) Ивана Бунина с точки зрения ЛД персонажей. Это известнейший цикл рассказов о любви, а точнее, об интимных отношениях – именно с «Темными аллеями» ассоциируется тема любви в классической русской литературе XX века.

Подавляющее большинство рассказов объединяет лейтмотив несчастной любви. Несчастливый финал любовных или же интимных отношений бунинских персонажей обусловлен внешними обстоятельствами, как в традиционном дискурсе романтической любви: семейное положение, социальное положение («Темные аллеи», «Степа», «Дурочка», «Антигона», «Таня»), высшие силы и чрезвычайные обстоятельства (революция – «Таня», смерть – «Поздний час», «Натали», «В Париже», «Генрих»), воля родителей («Руся», «Ворон») – т.е. конфликт здесь внешний, используется классическая сюжетная схема «разделенная любовь – непреодолимое препятствие» [10].

Непосредственно ЛД персонажей в бунинских рассказах отведена незначительная роль. «Темные аллеи» можно назвать ЛД лишь в широком смысле, на уровне произведения целиком, в его символическом значении для эпохи, т.е. в аспекте диалога – с читателем, с современниками. И это совершенно удивительно, что литературные герои о любви не говорят, но умалчивают! В русской литературе ЛД часто носит имплицитный характер, любовь становится тем невысказанным, которое составляет неотъемлемую часть всякого дискурса. Гораздо чаще ЛД встречается в эпистолярном жанре, в письмах писателей [см.: 6] – т.е. в рамках дискурса автора, нежели персонажей [см.: 2]. Нельзя забывать и то, что к области невысказанного в этом цикле часто относится и экстралингвистический контекст – много рассказов написано во время Великой отечественной войны. Рассказы в некотором роде становятся способом эскапизма, ухода от реальности войны в воспоминания о довоенном прошлом, о юности и первой любви.

Интересно, что редкие рассказы, в которых имеет место ЛД персонажей, обнаруживают, наоборот, внутренний конфликт. Это, конечно, один из лучших рассказов цикла – «Натали» (1941). Здесь именно непонимание между главными героями не позволяет им быть вместе и обрекает на дальнейшую несчастную жизнь. При этом диалоги в рассказе полностью построены на подтексте, ЛД маскируется под обывательский, бытовой:

– Вдохните – какой ветер! Какой радостью могло бы быть все!	шаг Виталия навстречу Натали, предложение духовной близости.
И взял и сжал ее руку, бормоча и смеясь от счастья: – Натали, Натали!	признание Виталия в любви
– Но вы же любите Соню!	невозможность согласия из-за препятствия, но намек на то, что согласие желанно
Я не скрываюсь: вы меня давеча поразили, сказав, что уезжаете	признание Натали в своих чувствах
– Натали, можно мне приехать представиться вашим, когда вернетесь домой?	признание Виталия в любви к Натали
– Да, да, я вас люблю, – сказала она <i>поспешно и невыразительно...</i> »	так в ответ признается в любви к главному герою Натали [1, с. 509]

Нарочитая «невыразительность» классического признания контрастирует с выразительным языком тела – жестами, мимикой – и имплицитным дискурсом. Герои понимают истинный смысл сказанного, но недопонимают себя, Другого и ситуацию. Хотя, казалось бы, дискурс, наоборот, в отличие от безмолвия, должен способствовать взаимопониманию. Но здесь оно недостижимо: раскрывается пессимистический, минорный взгляд на взаимоотношения, ср.: «мысль изреченная есть ложь», «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется» (Ф. Тютчев), «слова только мешают понимать друг друга» (А. де Сент-Экзюпери).

Лишь через годы герои рассказа по-настоящему открываются друг другу. ЛД обретает свое вербальное выражение в полной мере, становится эксплицитным: «– В ту страшную ночь с молниями я любил уже только тебя одну, никакой другой страсти, кроме самой *восторженной* и *чистой* страсти к тебе, во мне уже не было. – Да, я со временем все поняла. <...> – *Нигде в мире нет тебе подобной*. Когда я давеча смотрел на эту зеленую чесучу и на твои колени под нею, я чувствовал, что *готов умереть* за одно прикосновение к ней губами, только к ней. – Ты никогда, никогда не забывал меня за все эти годы? – Забывал только так, как забываешь, что живешь, дышишь. И ты правду сказала: нет несчастной любви. <...> Но даже видеться мы будем редко – разве могу я, твоя тайная жена, стать твоей явной для всех любовницей?» [1, с. 518]. Это классический дискурс романтической любви – тот «континентальный» дискурс, над которым иронизирует Дж. Микеш. И. Бунин не делает исключения для этого рассказа: когда герои

воссоединились, смерть Натали вскоре разлучила их. И это оправдано: романтическая любовь не может существовать бесконечно, оставаясь возвышенной и «чистой» [5].

Напрашивается вывод: любовь существует лишь вне брака и неизменно заканчивается трагически – это явное влияние средневекового идеала куртуазной романтической любви, которому присуще глубокое внутреннее противоречие (поскольку любовь к Прекрасной Даме – это любовь вассала к жене сюзерена, она категорически исключает свою телесную составляющую, хотя и вечно стремится к обладанию). Так, Виталий признается себе: «В том-то и была высшая радость, что я даже помыслить не смел о возможности поцеловать ее [Натали] с теми же чувствами, с какими целовал вчера Соню!» [1, с. 500–501]. В целом, в бунинском цикле своеобразно преломляется именно традиционный дискурс романтической любви.

Своеобразие православного христианства и ментальности восточных славян – всей культурно-исторической парадигмы – предопределили достаточно позднее формирование ЛД в русской литературе, которая усваивает уже сложившийся западный классический ЛД и таким образом опосредованно заимствует идеал куртуазной романтической любви. Эти особенности продолжают оказывать влияние на ЛД в современной русской литературе.

Литература

1. Бунин, И. А. Натали // Избранная проза / И. А. Бунин. – Минск: Мастацкая літаратура, 1986. – С. 492–518.
2. Велюго, О. А. Полемика любовных дискурсов: восток – запад, век XIX – век XXI / О. А. Велюго // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай: Матэрыялы X Міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Мінск, 6-8 кастрычніка 2011 г. – С. 71 – 76.
3. Волкова, П. Мост над бездной. Ренуар – Ярошенко / П. Волкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: tvkultura.ru/video/show/brand_id/32766/episode_id/686197/. – Дата доступа: 22.10.2014.
4. Волкова, П. Мост через бездну – Книга четвертая / П. Волкова. – М.: Зебра Е, 2014. – 304 с.
5. Джонсон, Р. Мы. Источник и предназначение романтической любви / Р. Джонсон – М.: Издательство «Гиль-Эстель»; СПб: «Университетская книга», 1998.
6. Салимовский, В. А. Любовь в речевом выражении (на материале эпистолярного жанра) / В. А. Салимовский // Прямая и непрямая коммуникация. – Саратов: Колледж, 2003. – С. 302–309.
7. Серио, П. Как читают тексты по Франции / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: «Прогресс», 1999. – С. 12–53.

8. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
9. Тюпа, В. И. Классицистическая парадигма и любовный дискурс (начальный этап творчества Тредиаковского) / В. И. Тюпа // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2007. – №7. – С. 9–27.
10. Шапинская, Е. Н. Дискурс любви: любовь как социальное отношение и ее репрезентация в литературном дискурсе / Е. Н. Шапинская. – М.: Прометей, 1997. – 347 с.